

Д.О. Лабаури

**Балканский кризис 1902-1903 гг.
в оценках и прогнозах военных наблюдателей
России**

Болгарский национальный вопрос, окончательное решение которого, вопреки усилиям России, было отложено Берлинским конгрессом 1878 г. на неопределенный срок, в 1902-1903 гг. вновь напомнил о себе великим державам двумя крупными восстаниями – Горноджумайским и Илинденско-Преображенским.

Организованное осенью 1902 г. Верховным македоно-одринским комитетом (ВМОК) Михайловского-Цончева Горноджумайское восстание в восточной части Македонии вызвало резкую активизацию европейской и балканской дипломатии, стремившейся подойти во всеоружии к возможному разрешению вопроса о судьбе оставшихся турецких владений в Европе. В донесении Военного министерства российскому императору Николаю II в начале ноября 1902 г. по этому поводу отмечалось, что, если с одной стороны восстание «следует признать несвоевременным и неудачным, так как оно было сравнительно быстро подавлено турками», то «с другой стороны, оно обратило внимание европейских держав на Македонию, 25 лет тщетно ожидающую исполнения 23 статьи Берлинс-

кого договора, и цель восстания можно поэтому считать достигнутой»¹.

Успех Горноджумайского восстания отмечало и большинство руководителей Внутренней македоно-одринской революционной организации (ВМОРО), не устоявших от соблазна еще большим восстанием вынудить великие державы к более серьезному вмешательству с целью создания македоно-адрианопольской автономии. Колебавшийся Гоце Делчев, являвшийся общепризнанным начальником вооруженных сил ВМОРО, после принятия Турцией в феврале 1903 г. первого австро-русского проекта реформ для македонских вилайетов так же поверил в возможность иностранного вмешательства и в «вероятность достижения автономии Македонии в результате восстания», о чем, в частности, вспоминал встречавшийся с ним в феврале 1903 г. Г. Баждаров². Пребывавший с Делчевым в январе-феврале 1903 г. в Македонии Пейо Яворов вспоминал: «Поднятый уже во всей Европе шум по поводу македонского вопроса, не должен был заглухнуть. Наоборот, этот шум был успехом [революционного] дела – и необходимо было его усилить. А это можно было достигнуть только в том случае, если революционная организация перейдет к наступательной борьбе против турецких властей»³.

Информация о готовящихся предстоящей весной 1903 г. новых более мощных «беспорядках» в Македонии поступала в МИД и Военное ведомство России по различным каналам уже в конце октября – начале ноября 1902 г.⁴ 21 ноября 1902 г., т.е. еще до известных решений январского конгресса ВМОРО в Салониках, Николаю II было доложено о том, что «внутренняя революционная /Сарафовская/ организация имеет намерение будущим летом объявить всеобщее восстание»⁵. При этом в Петербурге

не исключали вполне реальной возможности вовлечения в конфликт Болгарии, что могло иметь крайне серьезные и слабо предсказуемые последствия для всего Балканского полуострова. В подтверждение этого в докладе Николаю II в начале ноября 1902 г. приводились слова дипломатического представителя Болгарского княжества в России Станчова, который, в частности, заявил следующее: «Нельзя ручаться, что Болгарскому правительству удастся сохранить весной то же положение по отношению к македонскому движению, как текущей осенью. Возможно, что правительству не удастся сдержать страсти народа, тем более что в Болгарии и среди офицеров имеется весьма много македонцев»⁶.

В связи с подобным усложнением обстановки в Македонии и перспективой крупномасштабной войны на Балканах в 1903 г. Военное министерство и МИД России приступили к непосредственному обмену информацией и к координации усилий военных и дипломатических представителей России. Так, настаивая на доступе чиновников Военного министерства к сведениям, получаемым российскими консулами в Македонии, военный министр Куропаткин в письме министру иностранных дел Ламздорфу 1 декабря 1902 г. отмечал, что ввиду большой вероятности усиления движения в Македонии весной, «Военному министерству необходимо быть вполне осведомленным в положении вещей, дабы быть готовым ко всяким случайностям»⁷. Еще 1 октября 1902 г. Куропаткин в циркулярном обращении требовал от военных агентов⁸ в столицах балканских государств в кратчайшие сроки подготовить «подробный доклад по македонским делам» с приложением исторического и этнографического обзора Македонии, а главное с прогнозированием возможного развития событий на Балканах в случае восстания в Македонии в 1903 г.⁹

Проводившиеся в конце 1902 – начале 1903 гг. консультации российских военных агентов с дипломатическими и военными представителями великих держав и малых балканских государств, соседей Болгарии, позволили установить, что последние в большинстве своем были убеждены в неизбежности болгаро-турецкого столкновения в 1903 г. Причем некоторые из них не исключали благополучного для болгар исхода данного столкновения. Так, например, вернувшийся в Париж военный агент Франции в Константинополе майор Дюпон 28 октября 1902 г. в разговоре с военным представителем России И. Лазаревым делал весьма оптимистический прогноз для Болгарии на 1903 г. По его мнению, в том случае, если положение дел в Македонии не изменится, в недалеком будущем можно было ожидать «вооруженного вмешательства Болгарии с целью добиться ее автономии», так как «князь Фердинанд, каких бы личных взглядов на вопрос о Македонии не придерживался, может быть вынужден к решительным действиям силою общественного мнения страны». При этом Дюпон полагал, что «Болгария, располагая прекрасной 200 000 армией легко может иметь успех в начале открытия военных действий», выбрав наиболее выгодным стратегическим направлением движение вразрез между II фракийским и III македонским турецкими корпусами. Дюпон добавлял: «В конце концов Турции, обладающей армией, обученной немецкими инструкторами и численно превосходящей болгарские вооруженные силы удастся успех склонить на свою сторону. Подобный конечный исход насильственного посредничества Болгарии, для разрешения Македонского вопроса, принимается ею [Болгарией – *Д.Л.*] в соображение; но она при этом рассчитывает на вмешательство Европы, которая не может допустить окончательного поражения Болгарии Турцией, чему ей служит гаран-

тией исход греко-турецкой войны. Основываясь на этом факте, болгары полагают, что своим активным вмешательством в дело устройства Македонии они не только ничего не потеряют, но откроют себе путь к разрешению в будущем своей национальной задачи создания «Великой Болгарии»¹⁰.

Предположения Дюпона не были лишены основания. Как показывают документы ВМОРО, в период Ильинденско-Преображенского восстания руководители этой организации, увлеченные мощным эмоциональным порывом, захлестнувшим большую часть болгарского общества в те дни, вопреки завету Гоце Делчева не вовлекать Болгарию «босою в огонь»¹¹ и изначальным установкам восстания¹², выступали за войну любой ценой. Так, например, в составленном в конце августа 1903 г. Христо Матовым письме Заграничного представительства ВМОРО в Софии Главному штабу Битольского повстанческого округа наряду с острой критикой князя Фердинанда за его страх перед войной, отмечалось: «И даже самая неудачная война будет успешной и принесет улучшение положения Македонии»¹³. На этом же, по сведениям русского военного агента в Софии Н.И. Протопопова, на тайной встрече с Фердинандом в Евксинограде в самом начале сентября тоже года¹⁴ по всей видимости настаивал и второй член Заграничного представительства д-р Христо Татарчев, угрожавший в случае, «если до 15 сентября обстоятельства борьбы не изменятся к лучшему», «распространить ее (борьбу – Д.Л.) и на болгарскую территорию, намекая, очевидной, на манифестации, покушения и т.п.»¹⁵. Австро-венгерский посол в Софии Форгач в донесении министру иностранных дел Голуховскому так же сообщал о сложном выборе, перед которым в начале сентября 1903 г. македонские революционеры поставили болгарского

премьер-министра Рачо Петрова: или до *15 сентября* (28 сентября по н. ст.) начать военные действия в поддержку повстанцев в Македонии, или после этой даты быть свидетелем «неслыханных зверств в Софии»¹⁶.

Что касается военных агентов России, то они в конце 1902 – начале 1903 гг. полностью разделяли опасения своих иностранных коллег насчет возможного военного конфликта на Балканах в 1903 г. Причем агенты в Софии и Константинополе, в отличие от дипломатических представителей России, не скрывали своего сочувствия македоно-одринскому освободительному движению, считая виновными в эскалации напряженности в регионе преимущественно турецкие власти¹⁷. В частности военный агент в Константинополе полковник Э.Х. Калнин 17 ноября 1902 г. сообщал следующее: «Положение в Македонии в высшей степени серьезно и внушает невольные опасения за будущее. Жестокости и насилия турок при подавлении восстания довершают то, чего не успели сделать революционные комитеты, – озлобляют массу болгарского населения и заставляют его ожидать спасения из свободной Болгарии»¹⁸.

Документы Военного министерства России свидетельствуют о том, что в 1902-1903 гг. оно пыталось навязать политическому руководству страны более решительный курс по отношению к турецким владениям в Европе – тот курс, который явно противоречил официальным установкам Министерства иностранных дел, возглавляемого Ламздорфом. Калнин, как и его коллега в Софии Н.И. Протопопов, хотя и учитывал неготовность России к проведению активной политики на Балканах, вследствие ее занятости на Дальнем Востоке противостоянием с Японией, решительно выступал за ликвидацию османского господства в Македонии, указывая на безрезультатность всех бывших

и будущих реформ в Европейской Турции. Эту идею Калнин, в частности, последовательно отстаивал в своих донесениях в Петербург в 1902-1903 гг.¹⁹ и особенно после убийства в Битоле русского консула Ростковского и начала Ильинденского восстания, когда он призывал: «Надо признать раз и навсегда: реформы и улучшения быта христиан в Турции возможны лишь при том условии, чтобы дело это было изъято из рук турок, другими словами, при условии упразднения турецкого владычества в стране»²⁰. В ноябре же 1902 г. он прогнозировал два наиболее вероятных, на его взгляд, сценария развития событий в Македонии: «При наличных условиях умиротворение Македонии может состояться лишь двумя способами: либо турецким, с таким успехом примененным к армянам, т.е. поголовной резней болгар, либо европейским – упразднением турецкого господства в Македонии. *С одним из этих способов и придется считаться в близком будущем* (курсив мой – Д.Л.)»²¹.

Вероятность умиротворения Македонии по европейскому сценарию принималась во внимание и в Балканских государствах, уже в конце 1902 г. приступивших к лихорадочным военным приготовлениям в ожидании крупного восстания весной и последующего болгаро-турецкого столкновения и возможного заступничества великих держав за Болгарию.

Так, военный агент в Афинах И.А. Хольмсен сообщал в феврале 1903 г., что все внимание в Греции приковано к Македонии, которую греки считают своею и при этом опасаются, что великие державы, и в первую очередь Россия, решат македонский вопрос в болгарскую пользу. В связи с этим, в греческих газетах, по словам Хольмсена, высказывалась мысль о необходимости оказать помощь Турции в борьбе с «болгарскими разбойниками», «если бы дело

дошло до единоборства Турции с Болгарией»²². В Греции, таким образом, не исключали возможность воспользоваться отвлечением основных сил III турецкого корпуса к болгарскому фронту для оккупации южной Македонии под видом умиротворения этой территории и вытеснения от туда чет ВМОРО.

В Сербии так же готовились воспрепятствовать решению македонского вопроса в болгарскую пользу. Как сообщалось в начале февраля 1903 г. в докладе военного министра Куропаткина Николаю II, военные «приготовления Турции и Болгарии и *опасения, что в случае столкновения последняя приобретет значительные преимущества* (курсив мой – Д.Л.), заставляют и Сербию стремиться поднять свою боевую готовность»²³. Военный агент в Белграде И.Н. Сысоев в свою очередь в шифрованном донесении от 18 января 1903 г., сообщая о крупных военных заказах для сербской армии, отмечал: «Настроение [в Сербии – Д.Л.] повышается воинственно; предвидится возможность столкновения весною с Болгарией в союзе с Турцией. Серьезные основания предполагать, что Румыния заодно с ними»²⁴.

Предположения Сысоева насчет поведения Румынии в скором времени подтвердились. Так, в конце января – начале февраля 1903 г. в России стали известны подробности визита в Ниш в начале января румынского посланника в Лондоне А. Катарджи, приходившегося родным дядей сербского короля Александра. По сведениям Военного министерства России, этот визит был связан «с настоящим тревожным положением на Балканском полуострове и, по-видимому, насколько можно судить из разговора Катарджи с нашим посланником в Белграде, имел целью установить некоторые отправные положения для общих действий Сербии и Румынии против Болгарии, в случае

агрессивных с ее стороны стремлений по отношению к Македонии»²⁵. По словам самого Катарджи, «Румыния не может оставаться безучастной зрительницей расширения Болгарии на счет Турции и потому в случае территориальных приобретений ее в Македонии, Румыния потребует исправления границы в Добрудже и передачи ей крепости Силистрии, как необходимого опорного пункта для обороны этой границы»²⁶. В докладе Военного министерства Николаю II добавлялось: «Общность интересов Сербии и Румынии в стремлениях к противодействию расширению Болгарии, дает основание предполагать о возможности заключения между ними военного соглашения, что отчасти подтверждается командированием из Ниша в Бухарест, после переговоров короля Александра с Катарджи, личного секретаря короля г. Петроневича, которому король Александр обычно поручает особо секретные дела в тех нередких случаях, когда он желает вести их помимо своего министра иностранных дел»²⁷.

Как известно, Катарджи, вернувшись в Лондон, не скрывал, что наиболее желательным для Румынии исходом македонского кризиса в 1903 г. была бы болгаро-турецкая война и разгром Болгарии – в таком случае Румыния, выступившая бы союзницей Порты, добилась бы не только территориального расширения, но и ослабления Болгарии на четверть века вперед²⁸.

В донесении Николаю II о положении дел на Балканском полуострове к 3 февраля 1903 г. выражалась полная уверенность в том, что «Румыния в случае общих волнений весной не останется пассивной зрительницей и примет более или менее деятельное участие, хотя бы из опасения усиления ее слабых соседей Сербии и Болгарии»²⁹.

Что касается территориальных претензий Румынии, то, как выяснил в апреле 1903 г. в ходе консультаций в Буха-

ресте военный агент М.Н. Леонтьев, они сводились «к приобретению более или менее широкой полосы к югу от Добруджи в минимальных пределах так называемого Базарджикского плато». Леонтьев добавлял: «Приобретение этого плато кажется румынам до крайности желательным и необходимым, так как этим путем увеличится обороноспособность Добруджи, удлинится расстояние от границы до наиболее чувствительных пунктов румынской территории – Констанцы и Черноводского моста, служащего пока единственным связующим звеном между Добруджей и остальными частями королевства». Леонтьев при этом выражал уверенность в том, что «эти румынские желания не принадлежат отдельным лицам, а составляют одну из ступеней политической программы [Румынии – Д.Л.]», подтверждая это тем, что «они нашли более чем сочувственное отношение в лице австрийского военного агента, всегда и при всех обстоятельствах хорошо осведомленного в румынских делах и близко принимающего их к сердцу». В разговоре с российским коллегой военный агент Австро-Венгрии выступил в защиту территориальных претензий румын, заявив: «Румыны ... представляют собой достаточную силу, чтобы заставить болгар уступить им желаемое, тем более что справедливость такой уступки будет, без сомнения, признана великими державами»³⁰.

Рассуждая над тем, «каким путем смогут румыны проявить свою силу», Леонтьев приходил к убеждению, что реализовать свои территориальные aspirations они смогут только в том случае, «если Австрия, столь искусная в ведении двойной игры, окажет им под шумок моральную, а может быть и материальную поддержку»³¹. И, как показывают донесения из Вены военного агента России полковника В.Х. Роопа, не ошибался. Австро-Венгрия, пристально наблюдавшая за развитием событий в Македонии,

готовилась к активному военному вмешательству в случае болгаро-турецкого конфликта и возникновения угрозы ликвидации османского господства на Балканах. В Вене опасались, разумеется, не болгарской оккупации Салоник, что было мало вероятно в тех условиях, а длительной и успешной обороны болгарской армии на своих южных рубежах, что не позволило бы Турции повторить молниеносный военный успех 1897 г. и породило бы соблазн Сербии, Черногории и Греции вмешаться в конфликт. А создание крупного славянского государства от Адриатического моря до Дуная, как предельно ясно выразился министр иностранных дел Австро-Венгрии Голуховский в разговоре с германским канцлером Бюловым 7 сентября 1903 г., представляло бы угрозу для существования многонациональной Австро-Венгрии. В том же разговоре Голуховский отметил, что следует «сделать все возможное, дабы предотвратить возникновение конфликта между Болгарией и Турцией», а в том случае, если он все же возникнет, следовало его локализовать³².

Вне всяких сомнений, локализовать болгаро-турецкий конфликт Вена намеревалась в том числе и при помощи союзной ей Румынии. Рооп сообщал 14 января 1903 г., что наряду с «подготовительной работой австро-венгерского Военного Министерства на случай войны на южном фронте» осуществлялась также «заготовка и отправка в Румынию к будущей весне значительного числа снаряженных шрапнелей»³³. Германский военный агент в разговоре с Леонтьевым в августе 1903 г. откровенно признал, что «Австрийцам было бы весьма желательно в случае нужды воспользоваться румынскими войсками для действий против Болгарии»³⁴.

Совместные действия Австро-Венгрии и Румынии в случае болгаро-турецкого конфликта, как известно, обсуж-

дались в конце июля 1903 г. на встрече двух монархов – императора Франца Иосифа и короля Карла – в Ишле, где румынский король подтвердил готовность «по поручению держав и во исполнение постановлений заключенной между Австро-Венгрией и Румынией военной конвенции [1900 г. – Д.Л.] мобилизовать свою армию в случае, если Болгария попытается поддержать македонское восстание»³⁵. Голуховский при этом не скрывал, что «державы тройственного союза, так же как и союза двойственного, желали бы усиления Румынии в интересах спокойствия на Балканах»³⁶.

Поддержка Веной Румынии объяснялась также и старыми опасениями австрийских дипломатов и военных относительно того, что за спиной Болгарии может стоять ее традиционная покровительница Россия, особенно ввиду подписанной в 1902 г. русско-болгарской военной конвенции, имеющей антирумынскую направленность. Как справедливо отмечал Голуховский в разговоре с канцлером Бюловым, не следует сбрасывать со счетов возможность появления такой ситуации в Македонии, при которой возбужденное русское общественное мнение вынудит петербургское правительство вмешаться в защиту райи³⁷. Германский военный агент в Бухаресте в связи с этим настойчиво пытался выяснить у Леонтьева, станет ли путь через Румынию «вероятным нашим операционным направлением» «в случае осложнений на Балканском полуострове и нашей войны с Турцией». Сам Леонтьев от себя добавлял, что большинство румынских политиков и военных убеждено в этом³⁸.

Посол России в Софии Бахметьев действительно давал князю Фердинанду гарантии защиты со стороны России в случае неспровоцированного нападения Турции³⁹, хотя реально Петербург на тот момент не располагал не-

обходимыми условиями для активного военного вмешательства в балканский кризис, и едва ли мог позволить себе нечто большее, чем военные демонстрации на Черном море и сухопутной границе с Румынией и Турцией.

Ставка на Румынию, однако, не исключала возможности прямого военного вмешательства Вены в балканский конфликт. Затрагивая в январе 1903 г. вопрос о вероятных направлениях действий Австро-Венгрии на Балканах в случае угрозы ликвидации османского господства в Македонии, военный агент России в Вене Рооп сообщал об упорных «слухах относительно приготовлений Австро-Венгрии якобы к оккупации Ново-Базарского Санджака и Митровицы» войсками XV корпуса со штабом в г. Сараево и о мобилизации частей III корпуса со штабом в г. Грац в Богемии, а также «о предстоящей будущей весной отправке австро-венгерской эскадры в восточные воды Средиземного моря» для демонстрации против Греции⁴⁰. Тот же Рооп в донесении от 13 февраля ссылаясь на данные газеты галицийских русинов относительно разговоров «здешних офицеров» о том, что «Австро-Венгрия намерена оккупировать Македонию с двух сторон: со стороны Митровицы она двинет боснийский гарнизон, а в Солуни и Кавале будет действовать флот»⁴¹.

И если австро-венгерское министерство иностранных дел во главе с Голуховским прилагало максимальные усилия для того, чтобы данные планы, реализация которых грозила серьезным конфликтом с Россией, так и остались на бумаге, то военная партия, представленная в том числе и военными агентами в столицах Балканских государств, была заинтересована как раз в разжигании конфликта на Балканах, что дало бы Австро-Венгрии повод вмешаться и осуществить свои экспансионистские замыслы в отношении Новипазарского Санджака, Косова, Албании и За-

падной Македонии. Наибольшую активность в этом плане развил австро-венгерский военный агент барон Гизл. Не случайно Тома Карайовов, представлявший внутри македоно-одринского освободительного движения сторонников австро-венгерской оккупации Македонии, встречался именно с ним 5 июля 1903 г.⁴² Как сообщал 16 июня 1903 г. военный агент России в Софии Протопопов, «барон Гизл играет несколько странную роль: в Константинополе и Афинах он распространяет всюду, что Болгария слаба, ее армия не готова, так как во всем нуждается, и боевых припасов хватит лишь на одно большое сражение; в то же время здесь, в Софии, не далее как вчера, во время разговора со мной, публично в клубе [он] нарочно усилил голос, чтобы привлечь внимание болгар (в чем и успел) и громко начал высказывать свое мнение, что турки совершенно бессильны, что, несмотря на значительное число войск, они не в состоянии выставить в поле, например, против Кюстендила, более 4 батальонов. Когда один из болгарских министров усомнился, барон Гизл два раза повторил слова «4 батальона»». Протопопов добавлял от себя: «Невольно приходится заключить, что он [барон Гизл – Д.Л.] преследует цель убедить каждого из противников в том, что он сильнее своего врага и что его ждет победа. Причины такого рода действий понятны, если принять во внимание интересы Австрии»⁴³.

Гизл не случайно подталкивал болгар к наступлению именно на Кюстендильском направлении. Военный агент в Белграде Сысоев, резюмируя в августе и сентябре 1903 г. «мнение всех сербов», указывал, что, если болгары двинут войска по линии Кюстиндиль – Куманово – Скопье, то сербами это будет мгновенно расценено, как казус белли в отношении Болгарии, и повторится братоубийственная война 1885 г.⁴⁴

В донесении от 31 августа 1903 г. Протопопов сообщал о том, что Австрия продолжает тайно «натравливать турок на Болгарию», что подтверждается деятельностью преемника барона Гизла подполковника де Краусса, который «открыто рассказывает всем, что турки делают большую ошибку, что не пользуются неготовностью болгарской армии и что потом, когда болгары получают все, что ими заказано для армии, удобная минута будет упущена». «Такими речами, – продолжал Протопопов, – которые турецкий комиссар Али-Ферух-Бей, конечно, сообщает в Константинополь, турки подталкиваются к войне, а болгары – к мобилизации на всякий случай»⁴⁵.

Угроза со стороны Австро-Венгрии тем временем прекрасно осознавалась и в Сербии, которая, несмотря на ведение переговоров на антиболгарской основе с Румынией, не отбрасывала и другой сценарий развития событий в 1903 г. в случае болгаро-турецкого столкновения, предусматривавший совместные с Болгарией военные действия против Турции. Так, Сысоев 12 февраля 1903 г. сообщал из Белграда: «Сильно обострившиеся были отношения между Сербией и Болгарией ... в последнее время настолько улучшились, что, по-видимому, теперь идет даже речь о соглашении между ними. Если это так, то сербы могут торжествовать, т.к. угрожающее положение, занятое Сербией 4-5 недели назад в отношении Болгарии именно и имело целью заставить последнюю действовать сообща в Македонии, если настанет для того время»⁴⁶. При этом если «в более интеллигентных слоях» готовность к столкновению с Турцией объяснялась «подозрением относительно поведения Болгарии» и стремлением опередить ее в Македонии⁴⁷, то среди простого населения анти-турецкие настроения основывались на естественном стремлении к национальному объединению сербского

народа. Так, Сысоев сообщал, что поездка короля Александра в Крушедол в феврале 1903 г. объяснялась народом как «паломничество короля на могилу отца за благословением на великий подвиг освобождения старо-сербиянских земель из под иноземного ига»⁴⁸.

На протяжении всей первой половины 1903 г. русские военные агенты и дипломаты последовательно сообщали о «бесшумных, но настойчивых» военных приготовлениях Сербии как на случай войны с Турцией, так и на случай войны с Болгарией. В донесении военного министра Николаю II о положении дел на Балканском полуострове к 3 марта 1903 г. сообщалось, что сербами «к болгарской и турецкой границам исподволь подвозятся запасы оружия, продовольствия и различных предметов вещевого и интендантского имущества»⁴⁹. Для всех офицеров нишского гарнизона в обязательном порядке зачитывался «реферат о Старой Сербии, в котором были выяснены подробно нравы, обычаи и образ жизни местных жителей, пути сообщения и условия местности, в виду могущего быть наступательного движения туда Сербских войск»⁵⁰, сербскому населению в пограничном районе по линии Куршумлие – Вранье в марте-апреле 1903 г. было роздано оружие⁵¹, на протяжении всей первой половины 1903 г. осуществлялись тайные поставки вооружения для сербов в Старой Сербии⁵². Так, что по предположению русского консула в Нише Чахотина, доведенному в конце апреля 1903 г. до сведения руководителей Военного ведомства России, «известная, если не большая, часть сербского населения на Косовом поле, в Приштине, Вучитрне, Колашине, Великом оче /в Призренском санджаке/ и других центрах сербского населения в Старой Сербии снабжена уже оружием, а прочие продолжают получать»⁵³.

К маю 1903 г. в Сербии, по данным русской военной

разведки, была завершена организационная подготовка к объявлению общей мобилизации: составлено распределение офицеров согласно боевому расписанию армии и разосланы им соответствующие оповещения на случай мобилизации; при всех полках открыты четырехнедельные курсы для подготовки унтер-офицеров II призыва народного войска; а во всех общинах объявлены подробные правила для явки в случае мобилизации военнообязанных I, II и III призывов народного войска⁵⁴. В докладе военного министра императору во второй половине мая 1903 г. отмечалось, что «проявления Сербией какой-либо инициативы на Балканском полуострове можно ожидать не ранее середины июля, то есть того времени, когда войска и материальная часть будут приведены в некоторый порядок и будет получена последняя часть заключенного во Франции займа», в ожидании чего Сербия «сосредотачивает некоторые военные запасы, главным образом в г. Ниш, представляющем базис сербов в действиях против Турции и Болгарии»⁵⁵. Сысоев при этом доносил из Белграда о нетерпении, с которым в Сербии ожидали начала болгаро-турецкой войны, предоставившей бы ей простор для собственных оперативных действий. В подтверждение этого и в качестве характеристики болгаро-сербских отношений он приводил пример «злорадства, с которым в середине мая в Белграде был встречен слух о том, будто Турция объявила войну Болгарии»⁵⁶.

Пытаясь выяснить, каким все же будет поведение Сербии в случае болгаро-турецкого конфликта, Сысоев в конце августа 1903 г. приходил к выводу, что сербы готовятся играть роль «честного маклера»: «Пользуясь тем, что Болгария будет связана по рукам и ногам, Сербия будет держать ее под угрозой шаха и пытаться за нейтралитет выпросить у турок некоторые уступки»⁵⁷. Причину такой

позиции Белграда Сысоев видел в неудачном исходе болгаро-сербских переговоров⁵⁸, в ходе которых из-за непримиримых территориальных противоречий в Македонии не удалось ни «установить зоны влияния в Македонии», ни «сговориться относительно будущего образа действий»⁵⁹. Сысоев при этом видел два сценария, при котором Сербия все же была бы вынуждена вмешаться в конфликт: в случае успеха болгарской армии и ее вторжения в Косовский (Скопский) вилайет, который сербы считали «своим достоянием», – и тогда «вся 200-тысячная сербская армия будет двинута туда же»⁶⁰, и в случае, если «Турция для войны ли с Болгарией или для подавления восстания в Македонии, выведет свои войска из Новипазарского санджака» и там начнется резня албанцами сербского населения – в таком случае, как выразился сербский министр иностранных дел, «трудно будет сдержать народное чувство и придется принять военные меры»⁶¹, заодно и опередив Австро-Венгрию в ее «миротворческой» миссии.

Опасения великих держав и соседей Болгарии относительно военного вмешательства последней в защиту македонских болгар, однако, были напрасными. Болгарские правящие круги прекрасно осознавали неизбежные катастрофические последствия столкновения с враждебной коалицией соседних государств. И картина, рисуемая в донесениях русских военных агентов, послов и консулов на Балканах подтверждала эту безысходность в положении Болгарии. Протопопов в своем донесении из Софии уже в конце января 1903 г., ссылаясь на заверения болгарского военного министра, сообщал, что «болгары войны с Турцией не желают, не считают ее возможной ... опасаются Сербии и не знают, как поступит Россия в случае столкновения с Турцией, вызванного этой последней»⁶². В разговоре с Протопоповым в первой половине июня 1903

г. военный министр М. Савов, не отрицая возможности вооруженного столкновения с Турцией «в силу случайных обстоятельств», категорически заявил, что «в данное время считает невозможным начинать войну вследствие неготовности болгарской армии»⁶³. В дальнейших своих посланиях в Петербург Протопопов, опровергая слухи о готовности Болгарии поддержать македонское восстание, неизменно указывал на то, что все ее усиленные военные приготовления предусматривают лишь оборонительные действия болгарской армии⁶⁴. В донесении от 8 сентября 1903 г. он приводил и весьма подробный план этих действий, разработанный Болгарским генеральным штабом и предусматривавший лишь в качестве вспомогательной акции заброску «на турецкую территорию партизанских команд с целью подкрепить повстанцев действиями в тылу турецких войск и для распространения паники среди турецкого населения»⁶⁵. Не подтверждало агрессивных намерений Болгарии и соотношение сил на болгаро-турецкой границе. Так, Калнин, сообщавший в сентябре 1903 г. из Константинополя о доведении Турцией численности своих войск в районе дислокации II и III корпусов до 281 тысячи человек, указывал на то, что из этого числа до 50 тысяч человек сосредоточено напротив сербской границы по линии Рашка – Куманово и около 110 тысяч – вдоль южной границы Болгарии, тогда как, по сведениям Протопопова, общая численность всех болгарских войск на южной границе с учетом мобилизованных частей доходила на тот момент лишь до 41 тысячи человек⁶⁶.

Сейчас, благодаря давно ставшей доступной источниковой базе, ясно, что война на Балканах в 1903 г. была маловероятна, она не входила в планы ни болгарских правящих кругов, сумевших удержать ситуацию в стране под своим контролем⁶⁷, ни турецкого султана Абдул-Хамида,

благоразумно не поддавшегося колоссальному давлению военной партии⁶⁸ во главе с великим везирем Феридом пашой, главным инспектором румелийских вилайетов Хильми пашой⁶⁹ и турецким комиссаром в Софии Али Ферух беём. И в Софии, и в Константинополе предусматривали лишь ответные действия в случае массированного наступления одной из сторон. Ярким подтверждением тому служат серьезные пограничные столкновения летом и осенью 1903 г., имевшие десятки убитых и раненых, но так и не переросшие в войну между двумя государствами.

С принятием султаном 11 ноября 1903 г. Мюрцштегской программы реформ для македонских вилайетов и подписанием 26 марта 1904 г. турецко-болгарского договора, предусматривавшего широкую политическую амнистию и возвращение болгарских беженцев в Македонию и Фракию, начиналась новая фаза развития болгарского национального вопроса.

Между тем, донесения русских военных агентов служат дополнительным источником в дискуссии по вопросу о том, существовала ли альтернатива неучастию официальной Болгарии в открытой поддержке македонских и адрианопольских повстанцев в 1903 г. Была ли ставка на дипломатическую миссию Гр. Начовича с ее известными результатами⁷⁰ единственно верной в тех исторических условиях? Иными словами, был ли у Болгарии шанс в 1903 г. изменить известный нам ход событий? Рассмотренные нами документы являются важным вкладом в копилку уже введенных в научный оборот дипломатических документов, как балканских, так и великих держав, которые не позволяют усомниться в том, что этих шансов у Болгарии практически не было. Христо Матов глубоко ошибался, утверждая, что «даже самая неудачная война будет успешной и принесет улучшение положения Македонии». Нет

сомнений, что инициированная Болгарией военная кампания в 1903 г. привела бы не только к потере всех достижений на поприще культурно-просветительской деятельности в Македонии и Фракии, но и к аннексии Румынией с одобрения Австро-Венгрии и с молчаливого согласия других великих держав участка болгарской территории с Силистрией, а также к оккупации турецкими войсками на неопределенный срок территории Восточной Румелии – высокопоставленный турецкий сановник в разговоре с болгарским дипломатическим агентом в Константинополе Гешовым в середине июня 1903 г. специально обращал внимание на то, что статус Восточной Румелии, на которую султан имеет суверенные права, значительно более уязвим, нежели статус оккупированной турками в 1897-1898 г. греческой Фессалии⁷¹.

Разумеется, события могли бы развиваться в совершенно ином ключе в случае открытой турецкой агрессии, особенно если она была бы сопряжена еще и с военным переворотом в Турции наподобие того, который имел место в 1908 г. Болгария, получившая бы при этом от великих держав карт-бланш на ведение оборонительной войны, а также гарантии ненападения со стороны Румынии и Сербии⁷², смело могла бы рассчитывать на успех в единоборстве с Турцией. Но даже и в этом случае едва ли ей удалось бы в итоге добиться нечто большего, чем простое исправление своих границ в качестве моральной и материальной компенсации – нам представляется, что болгарские территориальные приобретения были бы примерно пропорциональны приобретениям Турции в 1898 г. Но ни о какой автономии, а тем более присоединении Македонии и Адрианопольской Фракии не могло идти речи. Гешов предельно ясно говорил об этом еще 16 июня 1903 г.: «Что касается результатов войны, в том случае, если она

окажется победоносной для болгарского оружия, то далеко не от одного источника я был информирован о том, что даже и тогда принцип status quo на Балканском полуострове будет сохранен, так как Россия и Австрия не согласились бы ни на какое территориальное увеличение Болгарии, ни на провозглашение ее независимости, а еще меньше на автономию Македонии»⁷³.

В то же время затяжной болгаро-турецкий конфликт, равно как и расширение македонскими повстанцами контролируемой ими территории, вполне могли бы стать причиной вовлечения в конфликт всех сопредельных с Турцией государств, включая и Австро-Венгрию. С турецким господством в Македонии и Фракии в таком случае действительно могло бы быть покончено *уже в 1903 г.*, но новая конфигурация границ (государственных или оккупационных зон) на Балканах отнюдь не отвечала бы национальным интересам болгарского народа.

Логика развития международных отношений в Юго-Восточной Европе в начале XX в. была неумолима для Болгарии. Она, если так можно выразиться, была обойдена вниманием обеих напрямую заинтересованных в решении балканских проблем великих держав. Россия, для которой не за горой уже была развязка дальневосточного противостояния, все более ориентировалась на Сербию и Черногорию как на наиболее вероятных союзников в предстоящем столкновении с Австро-Венгрией, а Австро-Венгрия в свою очередь не могла отказаться от поддержки Румынии и Турции как потенциальных противников России. Время же играло не в пользу Болгарии, которая не могла до бесконечности ждать благоприятной международной конъюнктуры, ежегодно с 1903 г. наблюдая ослабление болгарского элемента в Македонии и Фракии и замещение его мусульманским элементом⁷⁴.

Поэтому в данных исторических условиях принятие крайне болезненного решения об отказе от части болгаро-македонской территории, и особенно той, где этнические болгары экзархисты не составляли большинства населения (а к таким территориям, безусловно, следовало отнести ряд северных и северо-западных районов Македонии, населенных преимущественно мусульманами албанцами, турками и помаками), было неизбежным. Разум должен был в итоге одержать верх над чувствами, и в болгарской правящей элите уже в 1901 г. раздавались здравые голоса в пользу того, что «македонский вопрос крайне тяжел для Болгарии», и, дабы его существование не продолжалось вечно, «следует как можно скорее прийти к согласию с соседями, главным образом с сербами, т.е. взять все то, что мы можем взять, и отказаться от того, что мы не в силах взять»⁷⁵. Трагедия Болгарии состояла в том, что эмоции со своим знаменитым лозунгом 1913 г. «все или ничего» в конечном счете оказались сильнее и обрекли болгарский народ на национальную катастрофу.

¹ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 400. Оп. 4. Д. 299. Л. 8 об.

² *Баждаров Г.* Моите спомени. София, 1929.

³ *Яворов П.К.* Гоце Делчев. София, 1904. С. 85. Подобным образом мыслил и Делчев, что в частности подтверждается и греческими источниками, которые в марте 1903 г. сообщали в Афины о проповедях Делчева перед населением в пользу восстания, после которого «великие державы оккупируют страну, и мы сможем зажить счастливой жизнью». Гоце Делчев. Спомени. Документи. Материали. София, 1978. С. 391.

⁴ РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 299. Л. 8 об.

⁵ РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 299. Л. 9.

⁶ РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 299. Л. 8 об.

⁷ РГВИА. Ф. 2000 – Главное управление генерального штаба. Оп. 1. Д. 862. Л. 68. В ответ на данный запрос Куропаткина Ламздорф 30

декабря 1902 г. известил о том, что «поручил императорскому послу в Константинополе предложить российским консулам в Македонии доставлять возможно часто подробные сведения о всех событиях в районе, вверенном их наблюдению, которые могли бы представлять интерес для Военного Ведомства». РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 862. Л. 83.

⁸ В публикации употребляется данное официальное наименование военных атташе России.

⁹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 862. Л. 16–19. Примечательно, что для русского военного агента в Софии Н.И. Протопопова требуемый Куропаткиным очерк по истории македонского освободительного движения составил приближенный к руководству ВМОРО Р. Славейков, имевший доступ к архиву этой организации. Свою работу тайным информатором Протопова, Р. Славейков позже объяснял желанием «тем самым быть полезным самому [революционному] делу». См.: Из дейността на руските жандармерийски офицери в Македония през 1904 г. Съобщава Р. Славейков // Македонски преглед, год V. 1929. Кн. 1. С. 72.

¹⁰ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 862. Л. 40–41.

¹¹ *Яворов П.К.* Указ. соч. С. 86; *Елдаров С.* «Голямото разочарование»: България и въстанието // 100 години от Илинденско-Преображенското въстание (1903 г.). Сборник доклади от международната научна конференция, София, 26-27 септември 2003 г. София, 2005. С.179.

¹² См.: *Биярски Ц.* Проектопланът на Илинденско-Преображенското въстание // Военноисторически сборник. 1992. № 4. С. 195–204; *Биярски Ц.* Планът на Илинденско-Преображенското въстание 1903 година // Военноисторически сборник. 1987. № 6. С. 213–222.

¹³ Д-р Христо Татарчев. Спомени. Документи. Материали / ред. Ц. Биярски. София, 1989. С. 256; Архив Христо Матов (к историята на културно-просветните и революционни борби на македонските и тракийските българи в края на XIX в. и началото на XX в.). Документален сборник / Съст. Ц. Биярски. София, 2004. С. 130.

¹⁴ Евтим Спространов. Дневник. Т. 1. (1901-07). София, 1994. С. 305. Спространов полагал, что ВМОРО в итоге согласилась «поставить свои действия внутри [Македонии] в зависимость от здешних распоряжений болгарского правительства». Однако сам Татарчев в разговоре с ним 8 септември 1903 г. опроверг это предположение, решительно заверив, что Организация «никаких

гарантий [от правительства – *Д.Л.*] не имеет» и «не ставит в зависимость от него нашу [революционную – *Д.Л.*] деятельность». Там же. С. 306–307.

¹⁵ РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 300. Л. 68 об. Эти сведения, добытые Протопоповым от информаторов, близких к руководству ВМОРО, подтверждаются и той информацией, которую Христо Матов в конце августа 1903 г. сообщил Главному штабу Битольского повстанческого округа, а именно о намерении «доктора лично обратить внимание князя на то, что население и борцы в Македонии считают, что тот довел положение вещей до того (1895 и 1902), что в конце концов все имели полную веру в его заступничество и именно через войну с Турцией для освобождения страны, и что его будут считать лично ответственным за свои несчастья». Матов добавлял: «Это последнее средство повлиять на князя, и верится, что он поразмыслит над этим новым мотивом». Д-р Христо Татарчев. Спомени... С. 257; Архив Христо Матов... С. 131.

¹⁶ *Аданър Ф.* Македонският въпрос. София, 2002. С. 205–206.

¹⁷ Эта позиция принципиально отличалась от позиции МИД России, традиционно возлагавшего вину за усложнение положения в Македонии не только на турецкие власти, но не в малой степени и на «македонские комитеты, которые, не достигая патриотической цели, которую они провозглашают, только отвлекают жителей этого края от их мирных занятий и подвергают их всем прискорбным последствиям пагубных воздействий». См. официальное коммюнике МИД России от 30 ноября 1902 г.: *Annuaire diplomatique de l'Empire de Russie*. 1903. P. 192.

¹⁸ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 862. Л. 79.

¹⁹ См. «Отчет о деятельности военных агентов в государствах Балканского полуострова за 1903 г.» РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 294. Л. 20 об.

²⁰ РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 300. Л. 16 об. Рапорт от 31 июля 1903 г.

²¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 862. Л. 79.

²² РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 862. Л. 133 – 133 об.

²³ РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 299. Л. 16.

²⁴ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 862. Л. 89.

²⁵ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 862. Л. 124.

²⁶ Там же. См. также: РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 862. Л. 99-100 об. Рапорт военного агента в Сербии и Черногории от 23 января 1903 г.

²⁷ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 862. Л. 124 об.

- ²⁸ Освободителната борба на българите в Македония и Одринско (1902-1904). Дипломатически документи. София, 1978. С. 107.
- ²⁹ РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 299. Л. 17.
- ³⁰ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 862. Л. 249–250.
- ³¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 862. Л. 250.
- ³² Освободителната борба на българите... С. 453.
- ³³ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 862. Л. 90.
- ³⁴ РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 300. Л. 131.
- ³⁵ Санкт-Петербургские ведомости. 2 (15) септември 1903 г. № 239. С. 2.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Освободителната борба на българите... С. 453.
- ³⁸ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 862. Л. 219.
- ³⁹ *Дюлгерова Н.* Българският национален въпрос в политиката на Русия и Австро-Унгария (1894-1903). София, 1994. С. 146.
- ⁴⁰ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 862. Л. 90; Ф. 400. Оп. 4. Д. 299. Л. 16 об. – 17.
- ⁴¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 862. Л. 116.
- ⁴² Документи од Виенската архива за Македонија од 1879-1903 / ред. *Т. Томоски.* Скопје, 1955. С. 128–131.
- ⁴³ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 862. Л. 253.
- ⁴⁴ РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 300. Л. 115 об. – 116, 119 об.
- ⁴⁵ РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 300. Л. 56 – 56 об.
- ⁴⁶ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 862. Л. 120 – 120 об.
- ⁴⁷ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 862. Л. 132. Выписка из донесения консула в Нише статского советника Чахотина послу России в Белграде Чарыкову, 9 февраля 1903, № 13.
- ⁴⁸ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 862. Л. 120 об.; Ф. 400. Оп. 4. Д. 299. Л. 21 об.
- ⁴⁹ РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 299. Л. 22.
- ⁵⁰ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 862. Л. 132.
- ⁵¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 862. Л. 200. Шифрованное донесение военного агента в Белграде от 2 апреля 1903 г.
- ⁵² РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 299. Л. 38 об. – 39. Сведения о положении дел на Балканском полуострове к 2 июня 1903 г.
- ⁵³ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 862. Л. 245 – 245 об.
- ⁵⁴ РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 299. Л. 33 об.
- ⁵⁵ РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 299. Л. 35 об.
- ⁵⁶ Там же.
- ⁵⁷ РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 300. Л. 116.

⁵⁸ Данные переговоры, как указывал Сысоев, велись не между правительствами, а только между сербскими и болгарскими патриотами, но все же имели отчасти официальный характер.

⁵⁹ РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 300. Л. 115.

⁶⁰ РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 300. Л. 115 об. – 116, 119.

⁶¹ РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 300. Л. 113 об. – 114.

⁶² РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 862. Л. 113 об. – 114.

⁶³ РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 299. Л. 41 – 41 об.

⁶⁴ См., напр.: РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 299. Л. 42.

⁶⁵ РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 300. Л. 67 об.

⁶⁶ РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 300. Л. 232 об. – 233.

⁶⁷ В этом плане нельзя не признать долю справедливости в словах болгарского дипломата Гр. Начовича в 1903 г.: «Здесь [в Константинополе – *Д.Л.*] говорят, что в Болгарии есть два противостоящих друг другу правительства – правительство князя и правительство Татарчева, и события будут развиваться в зависимости от результата их тайной или явной борьбы. Будет мир, если князь окажется сильнее Татарчева» (*Владева Л.* Официална България и Илинденско-Преображенското въстание 1903 г. // 90 години Илинденско-Преображенското въстание. София, 1994. С. 82). Конфликта в 1903 г., как нам представляется, удалось избежать благодаря возобладавшей мудрости и дальновидности Хр. Татарчева и силе князя Фердинанда.

⁶⁸ Калнин в своих донесениях из Константинополя сообщал, что турецкое военное министерство с его главой являются решительными сторонниками войны против Болгарии, как «базы, откуда четники получают подкрепления и средства». РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 300. Л. 219.

⁶⁹ Санкт-Петербургские ведомости. 30 августа (12 сентября) 1903 г. № 236. С. 3. Хильми паша, по сведениям газеты, сообщил, что «не видит другого пути для разрешения македонского вопроса, кроме войны с Болгарией».

⁷⁰ См.: *Пенчев П.* Българо-турското споразумение от март 1904 г. и неговото приложение // Известия на държавните архиви. – 2004. – Кн. 87. – С. 32-53.

⁷¹ Освободителната борба на българите... С. 236.

⁷² Голуховский 17 (30) августа 1903 г., как известно, настоятельно требовал от австро-венгерского посланника в Константинополе барона Каличе довести до сведения султана и великого везира Фериды

паши, что, если две заинтересованные державы, Австрия и Россия, и заявили в Софии о том, что Болгария в случае отказа от миролюбивой политики не сможет рассчитывать на защиту с их стороны, то это заявление отнюдь не относится к случаю нападения со стороны Турции, «которое бы создало совсем иное положение вещей». Документи од Виенската архива... С. 159.

⁷³ Освободителната борба на българите... С. 237.

⁷⁴ Именно на данный факт, как на самый мощный катализатор Балканской войны 1912 г. указывал Гешов. См.: *Гешов И.Е.* Балканский союз. Воспоминания и документы. Петроград, 1915.

⁷⁵ Подобное мнение в сентябре 1901 г. выразили в консультациях с Т. Карайовым, являвшимся сопредседателем ВМОК (Станишева-Карайовова), генерал М. Савов, министр просвещения И. Шишманов, начальник штаба генерал И. Фичев и генерал Р. Димитриев. Централен държавен исторически архив (ЦДИА). Ф. 1079. Оп. 2. А.е. 389. Л. 52.